

Я НЕ МОГУ ЖИТЬ БЕЗ ДРУЗЕЙ

Иск. Моск. Веч. - 1989 - 26 сент.

Избранные строки из радиоочерка о дикторе Сатве Брандао

лась, о чем, наконец, переживала, — все это могло бы составить в буквальном смысле книгу жизни, истории!

— Сразу скажу, что я никогда не изменяла истории перед радио, — с улыбкой на лице начала свой рассказ Сатва. — В глубине своего сердца я всегда оставалась историком. Много времени уделяла этой науке. Но в то время «виноватым» оказался мой португальский язык, которым мало кто владел в Москве тридцатых — сороковых годов. Никто практически не работал с его применением. К тому же на радио отсутствовало направленное вещание на Бразилию, редакции как таковой не было. И, естественно, советские товарищи очень настойчиво просили принять их предложение — работать на радио. Это случилось 1 сентября 1948 года — день, когда я приступила к обязанностям сотрудника Московского радио. Что же касается истории, то я все-таки закончила исторический факультет университета. У меня не было особых трений с руководством по историческим вопросам, так как я занималась историей Латинской Америки, в основном Бразилии, а также Аргентины и Мексики. Но, должна отметить, что проблем в исторической науке тех далеких сороковых и пятидесятых годов было недостаточно. Как только у меня было время, я изучала латиноамериканскую историю. Опубликовала работу, посвященную этнографии Бразилии. Мног

также подготовлены две главы для институтского учебника по истории Латинской Америки. Занималась и журналистикой и переводами, что также давало мне материал в чисто историческом плане. Журналистика, работа диктором — были составной частью всей моей деятельности в то время... Сатве везло в жизни на хороших людей. Не будем забывать, что ее детство и юность проходили среди многих известных революционеров, выдающихся деятелей Коминтерна — Пальмиро Тольятти, Долорес Ибаррури, Луис Карлос Престес, Иосиф Броз Тито, Георгий Димитров..., а список можно продолжать и продолжать. Почти каждый день дарил встречу, способную стать сюжетом для рассказа отдельного.

— А помните ли вы свою первую встречу с Московским радио?

— Самая примечательная произошла еще задолго до того, как я пришла работать на радио в 1948 году. А именно в 1933 году. Мне было одиннадцать лет, — я приглашена на радио как бразильская девочка, только что вернувшаяся из детского международного лагеря «Артек» в Крыму. Помню, как патриарх Московского радио, а в то время совсем молодой человек, Луис Чекини и моя мать привели меня в три часа ночи на радио. Я подготовила текст, перевела его на испанский, так как передача адресовалась для испанских слуша-

телей, в котором рассказывалось об отдыхе советских ребят на берегу Черного моря. Естественно, это были впечатления ребенка обо всем, что я там увидела. Таким был мой первый контакт с радио, то есть за пятнадцать лет до того, как я самостоятельно вошла в студию и нажала кнопку «Эфир включен!». Вы знаете, я была так горда! В огромной студии стоять у микрофона, вокруг еще какие-то приборчики, а я, бразильянка, рассказываю миру о советских ребятах...

— Сатва, я думаю, что диктор, да вообще журналист, вкладывает в тот или иной материал свое отношение, свои чувства. Скажите, что у вас вызывало душевный подъем? А может, какая-то информация, напротив, вызывала скептическое настроение? С чем или кем это связано?

— Бывало в работе все. Помню, с каким увлечением, чуть ли не до сумасшествия, — смеется Сатва, — мы работали над литературными композициями. С теплотой вспоминаю режиссеров Чеплиевского и Павлоградского.

Информацией, которая подняла настроение в последнее время, было сообщение о выводе наших (говорю так, потому что жизнь прожила в России) советских войск из Афганистана.

Вызывала у меня внутренний протест и кампания против писателя Бориса Пастернака.

Неприятный осадок остался после одной октябрьской ночи

1964 года. Дежурила я с одним из редакторов, советским товарищем. Переводила и читала в эфир, когда мы получили две страницы о состоявшемся Пленуме ЦК КПСС, который отстранил от власти Никиту Хрущева. Как только я начала готовить текст, у меня задрожали руки, возник какой-то протест — не давать этого материала в эфир! Желания читать его тем более не было. К этому человеку я питаю особые чувства. Хрущев совершил настоящий подвиг, когда он на XX съезде партии выступил с докладом, осуждающим репрессии времен правления Сталина и открывшим глаза многим на истинное положение вещей. Это был беспрецедентный подвиг в истории, поскольку сам Хрущев был среди руководителей того времени. Мужество его в том, что он воспротивился всему этому, почувствовал необходимость раскрыть перед народом правду. Я читала тот материал не как диктор, не как человек, а как заведенная машина, ничего более... Пришла домой и ревела, просто ревела над тем, что произошло.

— Счастье, Сатва, — это когда тебя понимают, сказал один из героев хорошо вам известного фильма. А вы как понимаете счастье?

— Согласна и не согласна с таким определением, которое ты

только что привел. Да, действительно, когда ты соотносишься с каким-то человеком как личностью, то хорошо, когда тебя понимают. Но это далеко не все! Я считаю счастьем и любовь к человеку, к природе! Безусловно, счастье — это и материнская любовь! Это во мне заговорила женщина. (Проводя беседу, мы узнали, что у Сатвы Брандао родился внук, в котором течет русская и бразильская кровь). Счастье, когда люди просто любят друг друга, любят своих друзей, своих соратников, своих знакомых. Я больше счастлива, когда меня окружают друзья. И уже поэтому считаю себя счастливым человеком. Я люблю человечность, человечество, люблю природу, природу бразильскую и природу русскую, с которой я срослась. И поэтому я также считаю себя счастливым человеком. У моего сына течет русская и бразильская кровь. Этим горжусь и этим тоже счастлива! Я счастливый человек!

— Спасибо вам, счастливый человек, за столь интересную беседу.

— Нет, это я вас благодарю, поскольку не пришлось выступать перед микрофоном как диктор, а просто говорить со слушателями и читателями как человек.

Материалы подготовлены В. ОСИПОВЫМ.